

И. Н. Ершова

Строительство ГЭС в Рыбинске: проблема выбора места

В статье рассматриваются проблемы, связанные с целесообразностью переноса строительства ГЭС из-под Ярославля в Рыбинск в 1935 г.

Ключевые слова: Большая Волга, Рыбинское водохранилище, ЯрГЭС, Рыбинская ГЭС, Мологское междуречье, академики А. В. Винтер, Б. Е. Веденеев, инженер Г. С. Веселаго, «Слип».

I. N. Ershova

The Hydroelectric Power Station Building in Rybinsk: the Problem of the Place Choice

In this article the author observes the problems concern the reasonability of the Hydroelectric Power Station building from Yaroslavl to Rybinsk in 1935.

Keywords: the Great Volga, Rybinsk reservoir, YarGES (Yaroslavl hydro power), Rybinskaya GES (Rybinsk hydro power), Mologa interfluves, academics A. V. Vinter, B. E. Vedeneev, engineer G. S. Veselago, "Slip".

Почти 70 лет прошло со времени создания Рыбинского водохранилища. Восторженные отзывы давно остались в прошлом. С ростом негативных последствий от его существования все чаще встает вопрос о целесообразности строительства Рыбинской ГЭС. И, как следствие, – степени обоснованности решения о переносе строительства гидроузла из-под Ярославля в Рыбинск. К моменту его принятия была выполнена большая часть работ, затрачено 83 млн 512 рублей [1].

В статье А. Ю. Данилова «Строительство ГЭС под Ярославлем в первой половине 1930-х гг.» утверждается, что «решение строить гидроэлектростанцию на Волге не было результатом тщательных расчетов и прогнозирования. Все произошло стремительно, как и многое в те годы» [2].

Тщательно и досконально, действительно, не просчитывали. Некогда было. В постановлении, принятом на заседании «у тов. Кржижановского от 16 декабря 1931 г.», сказано: «Тяжелое положение с энергоснабжением Ивановской области и Нижнего требует форсированного приступа уже в 1932 г. к строительным работам по сооружению гидроэлектростанций у гг. Ярославля и Балахны на Волге» [3]. Однако из этого вовсе не следует, что решение о строительстве ГЭС было принято без достаточных на то оснований. Все что надо – просчитали.

В том же постановлении отмечено: «Для приступа к строительным работам... необходимо

форсировать изыскательские работы по этим объектам и до конца февраля и начала марта определить окончательно ось плотин и геологию под ней». Проведение изыскательских работ несколько облегчало наличие планового материала, «главным образом, съемок НКПСа 1906–1930 гг. и наметки Бюро Большой Волги» [4].

Об основательности подхода к проблеме свидетельствует и статья академика Веденева в апрельском 1932 г. номере газеты «Техника»: «Работы Средневологостроя по проектированию и постройке гидроэлектростанций (не считая подготовительных работ общего характера) могут начаться только после составления Гидроэлектростроительной схемы, утверждения ее соответствующими органами».

«Уже в начале строительства выявился ряд существенных трудностей» [8] – совершенно справедливо отмечает А. Ю. Данилов. Однако с перечнем этих трудностей не всегда можно согласиться: «...во-первых сразу же стало ясно, что строительство Ярославской ГЭС обойдется в гигантскую сумму, превысив затраты на ДнепрогЭС. Если на Днепре часть плотин образовывалась из естественной складки – скалы на берегу, то на низких глинистых берегах Волги рассчитывать на такой подарок природы не приходилось. Во-вторых, в районе Дудкина не было надежных подъездных путей» [6].

Думается, то, что гидросооружения придется возводить на нескальных основаниях, «стало яс-

ным» отнюдь не «в начале строительства». По причине полного отсутствия горных пород в той местности оно именно таким и предполагалось. Относительно качества подъездных путей проектировщики также не могли заблуждаться, поэтому все перечисленные трудности следует рассматривать исключительно как заданные условия строительства.

Сложности были. Со снабжением, финансированием и наймом рабочей силы. Уже в мае 1932 г. газета «Техника» уверяла: «В настоящее время не вызывает никакого сомнения строительство двух гидроэлектростанций – Ярославской и Пермской» [9].

Однако все-таки почему, несмотря на широкий размах работ, прекратили строительство? Есть мнение, что «исследования будущего водохранилища Ярославского гидроузла показали, что при его создании частично затопляются, а в большей своей части подтапливаются высокопродуктивные луга в междуречье Мологи и Шексны, которые будут превращены в болота площадью порядка 1,5 тыс. км². Точка зрения, что рыбинский вариант исключает «необходимость ... затопления огромных пространств» при почти двукратном увеличении территории затопления принадлежит начальнику нового строительства Я. Д. Раппопорту. На страницах областной газеты «Северный Рабочий» 1 апреля 1936 г. зафиксирован. Вряд ли стоит особо верить Я. Д. Раппопорту, в июне 1940 г. с трибуны пленума обкома ВКП(б) назвавшему в качестве причины переноса строительства необходимость соблюдения интересов транспортного судоходства и энергетики. Интерес был несколько иного свойства: узковедомственный и сугубо личный, карьеристский. В первом, рыбинском, варианте потери территории почти вдвое выше (к ярославским 160 тыс. га, в Рыбинске добавлялись еще 140 тыс.) [14]. В следующем варианте, после повышения отметки до +102 м., – ровно втрое. Вдобавок предполагаемый при Ярославском варианте ландшафт ближе к естественному, да и болота как объект хозяйствования несколько предпочтительнее, чем огромная водная пустыня. Хотя есть и другие мнения: «По всем расчетам выходило, что в случае переноса плотины будет затоплена та же Молого-Шекснинская пойма (но при этом она станет судоходной)...» [15].

Огромные просторы отнюдь не благоприятствуют судоходству. Они могут рассматриваться только в качестве помехи для него. Для судоходства достаточно гарантированных глубин. Что же

касается отсутствия промежуточного гидроузла, то и оно сомнительно. В Рыбинске – две плотины, на Волге и Шексне.

В качестве причины переноса обычно называют также негативные последствия затопления, связанные с постройкой Ярославской ГЭС. «Все обмеры и прикидки показывали следующее: при поднятии воды в Волге на 10 метров затопленными наряду с некоторыми сельскими населенными пунктами по берегам Волги в Ярославском, Тутаевском, Рыбинском районах окажутся Константиновский нефтеперерабатывающий завод, тутаевская фабрика “Тульма”, некоторые предприятия Рыбинска (в частности, судостроительный “Слип”)... По самым пессимистичным прогнозам через несколько лет Тутаев просто мог по частям сползти в новое водохранилище и перестать существовать!» [16].

Встает вопрос: «Почему прогноз “самый пессимистический” и почему этого пессимизма будет явно не хватать при обсуждении рыбинского варианта? Материалы дел 618 и 619, на которые дается ссылка, отнюдь не живописуют «грозную катастрофу», а показывают, как с нею, а точнее, с тем, что за нее приняли некоторые исследователи, надо «бороться». Берега Тутаева собирались укрепить бутовым камнем. Проблемы Константиновского нефтеперерабатывающего завода и льнопрядильной фабрики «Тульма» решались с помощью обваловки. «Пояснительная записка по определению убытков на территории Тутаевского района» в графе «итога» 5.108.093 руб. Того же характера документ по Ярославскому району – 10.128.97 руб [17].

Г. С. Веселаго подходил к расчетам с большой ответственностью, проводил их по трем вариантам. По одному из них – с запасом прочности на 1 м выше максимального уровня наибольшего паводка 1926 г. Запрошены были и предприятия, по которым не было данных относительно их затопления в том году. Кормилицкая ткацкая фабрика на запрос от 09.07.1932 г. честно ответила, что «не имеет совершенно никаких сведений о величине подпора паводка 1926 г.», а также то, что «случая подхода воды к фабрике не было».

Объяснительная записка об убытках, связанных с предполагаемым затоплением Ярославского района, приводит весьма скромный перечень потенциального ущерба. Что же касалось лесного хозяйства, то про него честно и откровенно сообщалось – «...затронута незначительно... будет залито 300 га хвойного леса» [18].

Рыбинский «Слип», похоже, подобного чистосердечия не проявил. Список потерь верфи в связи с затоплением и подтоплением настолько обширен, что вызывает подозрения. Сумма затрат, включая «закрепление берегов» и «возможную постройку новых зданий», – на уровне всего Ярославского района.

«Слип» того времени как промышленное предприятие не представлял ничего значимого. В 1927 г. даже подумывали о его закрытии, но в 1929–1931 гг. подвергли реконструкции. Однако попадающие под затопление мастерские сохранили прежний облик убогих деревянных сараев, перенесение которых не могло быть финансово обременительным, вопреки утверждению о том, что «переноска затопляемых цехов на другую площадь сопряжена с большими затратами». Еще одно высказывание заставляет дополнительно усомниться в чистоте намерений предприятия, выставляющего крупные счета потенциального ущерба. Отстаивая собственную необходимость, оно полностью отрицало возможность переноса на безопасное от затоплений близкое расстояние. «...Верфь вплотную окружена с Запада – Пролетарской слободкой, с Севера – рабочим поселком, с Востока – заводом “Бунтарь” и деревней “Мелкая”» [19] и рядом, значит, места нет. Это явно не соответствует действительности. Немного выше месторасположения «Слипа» произрастал жиденький лесок, без надежды на восстановление изничтоженный близко расположенным лесопильным заводом «Бунтарь». И было бы там, в случае строительства Ярославской ГЭС, самое место для судовой верфи.

Все крупные предприятия Рыбинска находились вне зоны подтопления. На берегах Волги располагались только мелкие производства. Небольшой, но перспективный катерозавод, в случае угрозы затопления, перенести на небольшое отдаление сложности не представляло.

Особые возражения вызывают следующие строки: «Даже учитывая средства на строительство Ярославской ГЭС выходило, что экономические потери народного хозяйства от возможности затопления участка Волги от Рыбинска до Ярославля до Рыбинска будут больше, нежели расходы на перенос строительства в Рыбинск» [20].

При определении целесообразности переноса должен рассматриваться вопрос не только стоимости переноса строительства как такового, а соотношения произведенных затрат в связи с ярославским строительством, с одной стороны, и ущерба в виде потенциально затопляемых тер-

риторий и народнохозяйственных объектов. По этому показателю ярославский вариант предпочтительнее. Стоимость работ по переносу и обваловке, размеры прочего ущерба в ярославском варианте сильно уступают в размерах 84 млн, затраченным на строительство.

Не совсем понятна предрекаемая А. Ю. Даниловым печальная перспектива превращения всего мологского междуречья в большое болото. Авторство подобной версии, видимо, принадлежит гидростроителям системы НКВД. Насчет их умения подсчитывать объем стока Волги, а равно и впадающих в нее рек есть некоторые подозрения, впоследствии подтвержденные практикой. Мощность Рыбинской ГЭС при подпорной отметке +102 м рассчитана НКВДшными гидростроителями в размере 330 тыс. кВт. Однако при стабильной работе в подобном режиме дно Рыбинского водохранилища станет сухим, а территории, вплоть до Нижнего, будут затоплены.

Некоторые иллюзии относительно преимуществ Рыбинского варианта иногда подпитываются художественной литературой. Экспертная комиссия, «побывав под Ярославлем... двинулась в Рыбинск». Живописная картина, как под проливным затяжным дождем «председатель комиссии заставлял всех карабкаться на скользкие береговые откосы, лазить по болотам, пузырящимся от дождя», призвана убедить доверчивого читателя, что поборники строительства в новом месте «были правы, лучшее место для постройки гидростанции едва ли найдешь». И в качестве, должно быть, веского при этом аргумента – «в засученных, грязных брюках, вымокшие до нитки, члены комиссии ходили от одной буровой вышки к другой» [22]. Информация о состоянии грунта не позволяла сделать вывод о его преимуществах.

Как утверждал Я. Д. Раппопорт, то, что город из зоны затопления вывели, – невелика заслуга, поскольку масштабы возможного подтопления не были значительными. Слова о том, что устранили препятствия к развитию города, и вовсе неуместны: незначительное подтопление не могло помешать городу расти на все четыре стороны.

«Чем дольше работала лаборатория... тем яснее вырисовывалась картина затопления» [24], – утверждает А. Ю. Данилов. Есть некоторые основания полагать, что ситуация была прямо противоположной. Дела 618 и 619, на которые он ссылается, перечисляя возможные при достройке ЯрГЭС неприятности, – более ранние. Расчеты в них производились, скорее всего, на основании

предшествующих и, вероятно, устаревших данных. Технический отчет Средневолгостроя – вплоть до окончания строительства в 1936 г., с опорой, видимо, на самые последние изыскания, отражает совершенно иную картину.

Г. С. Веселаго исходил из того, что «подпорный уровень Волги не должен затоплять городов, фабрик, заводов и ценных угодий, расположенных выше плотины... Нормальный подпорный горизонт не должен давать больших затоплений, нежели наивысший паводок».

Исходя из всех этих соображений экономического порядка, а равно, учитывая допустимый напор на сооружения, «Управление Средневолгостроя наметило отметку ... верхнего бьефа ярославского гидроузла 90,5–92,0». Было просчитано, что «это дает в межень напор 10–12 м». «Семеноводческие колхозы... можно без значительных затрат и довольно быстро перенести в более высокую местность, где влияние подпора даже при отметке 92,0 не будет сказываться». Технический отчет утверждал, что «все это говорит в пользу окончательного утверждения... отметки 92 м».

«Вторую очередь работ» намечалось «регулировать стока Верхней Волги ... водами Северного Беломорского бассейна» в соответствии с проектом инженера Никольского. Судостроению на Волге обеспечивались глубины в 5 м, которые «установлены постановлением Совета Министров СССР 3.Х.33 г. для магистральных водных путей». «Годовая отдача Ярославской ГЭС достигнет ... 575 милл. кВт. часов и стоимость квт. часа снизится до 2-х коп.» [25].

Вариант комплексного решения проблем судостроения, энергетики и сохранности имеющегося хозяйственного потенциала, предложенный Г. С. Веселаго в рамках существовавшей тогда концепции развития гидроэнергетики, следует признать оптимальным. Таким образом, перенос строительства гидроузла из Ярославля в Рыбинск, чреватый, что и подтвердило время,

большими хозяйственными, социальными и экологическими проблемами, обоснованным считаться не может. Необходимо признать этот факт и тем самым убрать тень, бросаемую переносом строительства на безукоризненную научную репутацию академиков А. В. Винтера, Б. Е. Веденеева и, особенно, инженера Г. С. Веселаго, в ведении которых находилось строительство Ярославского гидроузла.

Примечания

1. РФ ГАЯО Ф. 2226. Оп. 1. Д. 658. Л. 38.
2. Данилов А. Ю. Строительство ГЭС под Ярославлем в первой половине 1930-х гг. // Молога. Рыбинское водохранилище. История и современность. Рыбинское подворье, 2003. – С. 156.
3. РФ ГАЯО Ф. 2226. Оп. 2. Д. 46. Л. 23.
4. Там же.
5. РФ ГАЯО. Ф. 2226. Оп. 2. Д. 46. Л. 114.
6. Данилов А. Ю. Указ. соч. С. 157.
7. РФ ГАЯО Ф. 2226. Оп. 2. Д. 46. Л. 102.
8. Там же. Л. 112.
9. Там же. Л. 17.
10. Данилов А. Ю. Указ. соч. С. 157.
11. Асарин А. Е. «Плюсы» и «минусы» Рыбинского гидроузла. Опыт объективной оценки // Молога. Рыбинское водохранилище. История и современность. Рыбинское подворье, 2003. – С. 10.
12. Верхневолжская правда. 14 сентября 1935 г.
13. РФ, ГАЯО. Р. 3. Оп. 1. Д. 286. Л. 130.
14. РФ. ГАЯО Р. 606. Оп. 1 Д. 442. Л. 173.
15. Данилов. А. Ю. Указ. соч. С. 157.
16. Там же.
17. РФ ГАЯО. Ф. 2226. Оп. 2. Д. 619. Л. 18, там же. Д. 618 Л. 16–18.
18. Там же. Д. 618. Л. 1, 15.
19. РФ ГАЯО. РЗ. Оп. Д. 225. Л. 32.
20. Данилов А. Ю. Указ. соч. С. 157.
21. Верхневолжская Правда. 14 сентября 1935 г.
22. Кублицкий Г. И. Про Волгу, берега и годы. – М. : Советская Россия, 1971. – С. 65.
23. 25 лет Рыбинской и Угличской Гэс. – М. ; Л. Энергия, 1967. – С. 17.
24. Данилов А. Ю. Указ. соч. – С. 157.
25. РФ ГАЯО 2226. Оп. 1. Д. 659. Л. Л. 6–7.